

Илья ВИШНЕВЕЦКИЙ

ПИСЬМО КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКОГО

Много ли мы знаем об этом поэте, родившемся 200 лет назад? Услышав его имя, кто-то скажет: "Он другом Пушкина был". Другой изречет: "86 лет прожил на свете. Для русских поэтов нетипично!" Третий промурлычет знаменитые строки:

Тройка мчится, тройка скачет,

Вьется пыль из-под копыт...

Четвертый вымолвит: "Он в молодости был прогрессивным. А потом вправо качнулся". Пятый фыркнет:

"Князь в аристократии и холоп в литературе". Это его Белинский так припечатал!

Шестой эрудит захочет щегольнуть перед приятелями глубокими познаниями: "Пожалуй, наши нынешние патриоты не признали бы его русским поэтом. Угодил бы за милую душу в русскоязычные!"

"Как?! Изумится честная компания. Князь, Рюрикovich, потомок Владимира Мономаха? И в русскоязычные?"

"Ваш Рюрикovich наполовину ирландец! Его мать урожденная О'Рэйли. Андрей Иванович, отец поэта, умыкнул ее, когда по Европе путешествовал. И обвенчался с нею".

Вот вехи жизненного пути Петра Андреевича Вяземского. Сиротство с 15 лет. Воспитание под присмотром опекуна. Им был не кто иной, как Николай Иванович Карамзин.

В 19 лет камер-юнкер. В 20 ополченец, участник Бородинского сражения. Орден святого Станислава. Успехи на поэтическом поприще. За крамольные сочинения опала, отказ от звания камер-юнкера. Позже новый взлет, присвоение звания камергера. Дружба с Пушкиным. Участие в обществе "Арзамас".

После гибели Пушкина демонстративный отказ явиться ко двору. Новая опала, которую смягчают успехи в области поэзии и литературной критики. Путешествия по Европе и Ближнему Востоку. При императоре Александре II новое возвышение, весьма солидный послужной список: товарищ министра просвещения, глава цензурного ведомства, сенатор, член Государственного совета. Последние 15 лет жизни почти безвыездно за границей. Смерть на 87-м году жизни, в Баден-Бадене.

...На днях в зале периодики Исторической библиотеки листал я журнал столетней давности — "Русский архив" за 1892 год. И обнаружил там письмо Петра Андреевича, адресованное издателю журнала и датированное 1874 годом. Письмо было опубликовано с опозданием на 18 лет — видимо, по случаю 100-летия со дня рождения поэта.

Это письмо — отклик на стихотворение "Петру", принадлежащее перу Константина Аксакова и написанное еще в 1845 году. Вяземский в свое время встречался с Аксаковым, отдавал должное принципиальности и бескорыстию Константина Сергеевича, хотя и отвергал славянофильские идеи.

Отзыв о стихотворении "Петру" предельно резок. Дело в том, что в этом стихотворении с полной откровенностью выражено отношение славянофилов к Петру I. Они не жаловали "самодержавного великана". По их мнению, ветер, ворвавшийся на российские просторы с Запада через окно, прорубленное Петром, принес мало ценного, зато унес очень много.

Стихотворение начиналось выразительно:

Великий гений! Муж кровавый...

Далее следовали строки, обличающие грозного царя:

Во имя пользы и науки,

Добытой из страны чужой,

Не раз твои могучи руки

Багрились кровию родной.

Вяземский дает стихотворению уничтожающую оценку, утверждая (с полным основанием), что там нет ничего, кроме "риторики" и "напряженной надутости". Больше всего возмущают его мрачные пророчества о грядущей участи Санкт-Петербурга:

Народа дух расправит крылья,

Изменников обымет страх.

Гнездо и памятник насилия,

Твой град рассыплется во прах.

Вяземский пишет по этому поводу: "Кто же эти изменники? Опять то же бессознательное воззвание к мятежу и к истреблению города, подобно тому как в наши дни французская Коммуна хотела истребить Париж". Закончив разбор, Вяземский переходит к обобщениям исторического характера:

"В России ничего не развивается (это не в ее натуре), а все делается крутыми переломами... И реформа крестьянская осуществилась по подобию Петровских реформ, то есть в духе русской поговорки: "Матушка Россия не берет насильно, а все добровольно, наступая на горло..."

Сколько лет было князю Вяземскому, когда он писал это письмо? За 80 перевалило! Конечно, это был уже не прежний Вяземский, не тот, о котором Пушкин во время оно писал:

Язвительный поэт, остряк замысловатый,

И блеском колких слов, и шутками богатый.

И не тот, которого "неистовый Виссарион" в "Литературных мечтаниях" хвалил, а в "Письме к Гоголю" разжаловал в "холопы"... Утомленный жизнью старик, живущий образами "славного прошлого", время от времени пытающийся напомнить о себе из Баден-Бадена. И автор стихотворения "Петру" — давно в могиле, и там же — раннее, прямолинейное славянофильство.

Кого вызывать на спор? Кого разубеждать? Редакторов "Русского архива"? Но для них и стихотворение "Петру", и отзыв о нем — раритеты определенной эпохи. Не более того.

"Сварливый старческий задор". Чье это выражение? Тютчева. Кого имел в виду Федор Иванович? Представьте себе, Вяземского. Даром что приятелями были.

И все же сегодня, через 200 лет после рождения князя, его исторические обобщения все так же актуальны. Говорят, лет 15-20 назад по рукам советских студентов ходили-бродили острые изречения князя Вяземского, выхваченные из его "Старой записной книжки". И цитировались они наравне со свежими произведениями самиздата. Любопытна и аналогия между парижскими коммунарами и ранними славянофилами: крайности сходятся!

1001 новосты - 1992 (101) - с. 9